

чистоту российских нравов. Заимствовались нечувствительным образом обряды, одеяния, увеселения. Оттуда можно произвести сей недостаток уважения высшего состояния людей к низшему и трудолюбивому, сии изъявления рабского почтения, унижающие человека, обращение к правосудию с приношением даров» (II, 36—37). Эти рассуждения при всей их пафосности тоже свидетельствуют, что Муравьев пытался строить достаточно сложные модели взаимодействия культур. Муравьев особо подчеркнул, что влияние ига более всего коснулось князей: «Князья, утверждаемые на престолах политикою татар, препирались о позорной чести владеть в отечестве, воздыхающем под игом варваров. Междусобие, соединяясь с духом варварства, сделалось еще свирепее» (II, 24). Но, рассуждая о татарах, Муравьев не забывает подчеркнуть, что «татары, ныне полезные граждане, умножают население России и упражняются в миролюбивых трудах земледелия и торговли» (II, 37—38). Муравьев пытается обрисовать взаимодействие двух народов на протяжении столетий их исторического развития и ни в коей мере не переносит отношение к древним завоевателям на современных представителей этой нации.

Набрасывая свой очерк развития русской истории и русской культуры, Муравьев довел его до эпохи царствования Ивана Грозного и событий Смутного времени. Эта эпоха описана им в целом ряде статей, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. Эти статьи интересны как попытка беллетризованного описания исторических событий и характеров исторических деятелей. Теоретические проблемы при описании этого периода Муравьев почти не затрагивает.

Характеристика исторических взглядов Муравьева была бы неполной без выяснения вопроса об его отношении к петровским преобразованиям. Эта проблема, имеющая непосредственное теоретическое значение, затронута Муравьевым в целом ряде статей, из которых наиболее интересна статья «Присвоение европейских нравов». В ней Муравьев развивает популярную в европейской историографии XVIII в. мысль о том, что европейские государства образуют некое единство, систему государств: «...все европейские народы представляют некоторое соединенное общество, признающее некоторые известные правила в мире и войне, сообразующееся с одной общественной пользою и отличающееся от всех других народов одним образом мыслей, просвещением, верою и вежливостью» (II, 131). Муравьева живо волновал вопрос о месте России в этой системе государств. Он утверждал, что именно благодаря деятельности Петра I Россия вошла в это общество в качестве полноправного члена: «Европа приобрела новую страну — и какую страну?» (II, 130). Но в этой же статье Муравьев попытался оценить сделанное Петром в связи с целым рядом сложных вопросов. Муравьев, бесспорно, прекрасно ориентировался в полемике по поводу оценки личности и деятельности Петра, которую вели в течение всего XVIII в. русские и фран-